

Проект Ники Турбиной, или «Фабрика звёзд» в СССР

*...Только, слышишь, не бросай меня одну.
Превратятся все стихи мои в беду»*

Ника Турбина

Ника Турбина — талантливая девочка-поэт, начала писать стихи в четыре года, в восемь — вышла ее первая публикация в «Комсомольской правде», после чего она стала знаменитой, ее имя прогремело на весь Союз. О ней говорили как о чудо-ребенке, который слышит звуки и разговаривает с Богом. Евгений Евтушенко стал редактором и написал предисловие к ее первой книге, они вместе выступали и собирали огромные залы. В десять лет она получила главный приз Венецианского биеннале «Золотого льва», Нику приветствовали криками «браво!», снимали в кино, приглашали на телепередачи, ее хотели увидеть, дотронуться, один из фанатов даже отрезал клочок волос на память. В тринадцать — Ника поехала в Америку, где о каждом ее выступлении писали в газетах; там же она встретила с Иосифом Бродским.

А потом — тишина, ее стихи вдруг перестали быть интересны для публики. В шестнадцать — она уехала на год в Швейцарию и стала гражданской женой 74-летнего профессора-психиатра. Через год вернулась, с учебой и работой не складывалось, она пила, мужчины надолго не задерживались — не выдерживали истерик и алкоголизма. В двадцать два года она первый раз упала из окна пятого этажа, повредила позвоночник и ключицу, но осталась жива. В двадцать семь — второе падение и тоже с пятого этажа, теперь уже насмерть.

Прежде чем пойти на презентацию книги Александра Ратнера «Тайны жизни Ники Турбиной», я посмотрела фильм о ней («Три полета Ники Турбиной», автор Наталья Кадырова, 2006 год). На протяжении всего фильма меня не покидала мысль «что-то тут не так» — нервная, экзальтированная и совершенно недетская манера чтения стихов у Ники, лукавая бабушка с постоянной сигаретой в руках, надменная и пьяная мама, дающая интервью — всё вместе вызывало ощущение неискренности, какой-то наигранности, и в то же время невероятной трагичности, осознания того, что в этой семье другой истории и быть не могло.

Конечно я пошла на презентацию, ведь Александр обещал рассказать о многих тайнах жизни Ники, которые были затронуты в фильме, но так и остались не раскрыты — писала ли Ника стихи сама или кто-то за нее, кто был ее отцом (поговаривали, что Вознесенский), ее смерть была несчастным случаем или суицидом... Эта книга — серьезное журналистское расследование, построенное на документальных источниках — дневниках, письмах, интервью со многими людьми, близко знавшими Нику. Думаю, на сегодняшний день, Александр Ратнер — единственный человек, который знает о жизни Ники Турбиной всё, ну или почти всё.

Александр, я задам сразу непростой вопрос, который возникал еще при жизни Ники, многие уже тогда сомневались в авторстве ее стихов. Ника писала стихи сама или кто-то это делал за нее?

Да, вопрос непростой. Я много и долго исследовал ее стихи, задавал этот же вопрос и разговаривал с десятками знавших ее людей. Я думаю, Ника что-то

Майя Никаноркина и Ника Турбина, мать и дочь, Ялта 1985

могла сочинить сама, но, несомненно, это «что-то» потом корректировалось и дописывалось. Она росла в такой творческой, точнее — поэтической среде, в которой даже кошка заговорила бы в рифму. Судите сами: мама, дедушка, бабушка и ее сестра писали стихи. В их дом постоянно приходили поэты, писатели, там все было пропитано поэзией. Ника с ранних лет была настроена на поэтическую волну, она просто не могла не начать рифмовать. Но те стихи, которые ей приписывались, они были слишком взрослыми для маленького ребенка по своим мыслям и воплощению, и слишком слабыми для взрослого поэта.

Да, кто-то из литераторов даже сказал, что это «не очень талантливые стихи взрослой женщины».

Это сказал поэт Валентин Берестов.

Я убежден, что с самого начала, с рождения Ники, ее мать, Майя Никаноркина, писавшая среднего уровня стихи и всегда интересовавшаяся поэзией, а в особенности мужчинами-поэтами, решила создать такой миф, легенду о девочке-поэте. Стихи Майи не дотягивали до «хороших» на взрослом уровне, но, как написанные от лица ребенка, выглядели гениальными.

Ника росла тревожной, нервной и болезненной девочкой, страдала астмой, частыми пневмониями и бессонницей. По легенде, Ника не спала ночами, потому что ждала, когда к ней придет звук. Она не могла уснуть, ее душили слова, и только после того, как она читала вырвавшееся стихотворение, она могла заснуть на несколько часов. Стихотворение записывала Майя. Так звучала легенда. Об этом Майя рассказала корреспондентке «Комсомолки», которая специально приезжала в Ялту, чтобы взять интервью о девочке-вундеркинде. В книге есть отрывок из этого интервью, я хочу прочитать, это важно: «Однажды Ника весь вечер не могла найти себе места, пожаловалась: «Меня душат слова...» Ночью, когда все уснули, девочка вскочила: «Мамуля, запиши!» Тогда Майя Анатольевна Никаноркина записала потрясшее ее своим настроением, образностью стихотворение. Ника произнесла его на едином дыхании, почти без запинки, с огромным волнением. Сказала последнюю строчку и, как подрубленная, свалилась на подушку, заснув мгновенно и безмятежно. Подобные порывы и состояния стали повторяться. С тех пор, укладываясь спать, мама Ники озабоченно проверяет, на месте ли тетрадь, ручка. Разбудив маму, Ника требует, умоляет ее «писать быстрее». Я видела эти тетради — их целый ворох. Там строчки, бегущие вкривь и вкось из-под торопливой и сонной маминой руки. Зачеркнутых слов в них почти нет».

Потом эту историю, рассказанную Майей, растиражировали в разных газетах.

На самом деле Ника действительно плохо спала ночами, но не из-за астмы (которая беспокоила ее в основном днем), а из-за психического нездоровья. Когда она была совсем маленькой, во сне она выкрикивала какие-то слова, обрывки фраз, которые дописывались, додумывались, и наутро ребенку говорили, что она ночью надиктовала стих. Маленького ребенка нетрудно в чем-то убедить, ведь правда? Потом эти стихи Ника заучивала, но неохотно.

Ника выросла, и, убежденная в своей гениальности, уже сама наговаривала строки, Майя подтолкнула Нику к творчеству. Когда у Ники стали прорываться ее собственные стихи, Майя всегда была на подхвате — подсказывала ей отдельные мысли, помогала искать рифмы. В выходные дни к ним присоединялась бабушка, Людмила Карпова, тоже поэтесса, и они уже втроем играли в стихосложение — по очереди придумывали строчки, пока не выстраивалось стихотворение.

Майя форсировала события и заставляла Нику постоянно сочинять стихи, даже вместо домашних уроков и прогулок во дворе. Если Ника сопротивлялась такому нажиму, то она подсказывала темы, просила подумать, — выдавливая из нее стихи, как из тюбика. Потом заставляла их заучивать и дрессировала читать под любимого поэта Вознесенского. Так создавался проект Ники Турбиной.

На видеокадрах тех лет видно, как Ника ласково и с любовью смотрит на маму, не выпускает ее руки из своей, когда читает стихотворение... Какие у них были отношения?

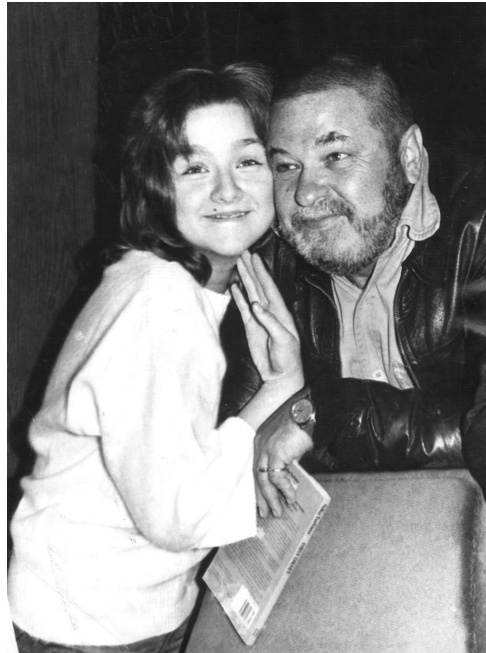
Ника очень любила Майю и была полностью от нее эмоционально зависима. Да и Майя тоже любила дочь как свой проект, свою работу, свое продолжение и свои нереализованные планы, как любят детей, из которых пытаются слепить самих себя. Майя не работала и постоянно занималась Никушей, проводила с ней все свое время. На этих кадрах особенно чувствуется зависимость и незащищенность Ники, она как бы ищет поддержку у мамы, и конечно, находит.

Потом уже, в переходном возрасте вся эта любовь-зависимость обернется ненавистью. Взрослая Ника терпеть не могла Майю, ее начинало трясти при виде нее.

Когда проект «выстрелил»? С какого момента Ника стала известной?

С момента, когда вышла ее первая публикация стихов в «Комсомольской правде» с предисловием Юлиана Семенова и большой статьей о Нике.

Дело в том, что Никина бабушка работала в гостинице «Ялта», где останавливались многие известные писатели. Там она и познакомилась с Юлианом Семеновым, показала ему стихи Ники, он удивился и не поверил, что их написал ребенок. По его просьбе редактор газеты «Комсомольская правда» прислал своего корреспондента, чтобы проверить авторство стихов. В Ялту приехала корреспондентка этой газеты, чтобы пообщаться с Никой и удостовериться, что это действительно она пишет стихи, а не ее дедушка, известный поэт Анатолий Никаноркин (маму почему-то не заподозрили). Эта статья, о которой я уже говорил, и подборка из 10 стихотворений вышли в газете под заголовком «Ищу друзей» и произвела колоссальный фурор. Нике было 8 лет, она только пошла в школу и сразу стала звездой.

С Юлианом Семеновым, Ялта, 1987

Их завалили сотнями писем со всех уголков страны. Писали деду, поэту Никаноркину, и благодарили за внучку, писали школьной учительнице с советом обратиться в клинику детской психиатрии, потому что такой ребенок обязательно должен находиться под наблюдением специалистов (письмо от медика), писали

бабушки из глубинки и просили Нике купить «зверушку» — птичку, котеночка или щеночка, тогда ей будет с кем дружить, и даже собирались оплатить покупку. Нику начали приглашать на радио и телевидение, возить по домам отдыха для выступлений — за каждое выступление ей платили 150 рублей, что по тем временам составляло полторы зарплаты инженера. Однажды в школе к ней подбежал какой-то безумный мужчина и отрезал клоч волос. Она стала кумиром.

В фильме «Три полета Ники Турбиной» Людмила Карпова (бабушка Ники) жаловалась, что от Ники отстранились очень важные и значимые для нее люди, и главная ее претензия была к Евгению Евтушенко. А Майя ее остановила — «об Евгении Александровиче ни одного плохого слова!» Какую роль Евгений Евтушенко сыграл в жизни Ники?

С венецианским львом, Ялта, 1985

Евгений Александрович познакомился с Никой на даче в Переделкино, это произошло как раз после выхода ее первой публикации. До этого он уже был знаком с Никиной мамой. Ника прочитала свои стихи, и Евтушенко, который и сам был великолепным чтецом, оценил манеру ее чтения. Правда, спросил у Майи: «Наверно, это ты пишешь?..» Ну а дальше началась их совместная работа и редакция первой книги «Черновик» — Евтушенко вносил правки и шутил, что у «Никкуши была неграмотная няня», Ника спорила и отстаивала свои строки и неточные рифмы «слова — крапива». «Черновик» вышел в 1984 году в издательстве «Молодая гвардия» тиражом в 30 тысяч экземпляров (немыслимый тираж для нашего времени!) и с предисловием Евтушенко. Там же, в предисловии, было опубликовано его стихотворение, посвященное Нике, многие строки из которого, как потом оказалось, стали пророческими:

*Карандаш в твоих пальчиках тягостней жезла,
Из железа — тетрадь.
Тебе нечего, если у ног твоих бездна,
Кроме детства, терять.*

Понимаете, если Семенов «открыл» Нику, то Евтушенко стал ее крестным поэтическим отцом. Ника за глаза называла его «дядей Женей», но никогда к нему так не обращалась — только по имени-отчеству.

А потом в 85-м была поездка в Италию на поэтический фестиваль «Поэты и Земля», где Ника получила первую премию — «Большого Золотого льва Венеции». Эту поездку выбил для нее тоже Евтушенко. Нику не хотели выпускать, и тогда он написал письмо Михаилу Сергеевичу Горбачеву с просьбой распорядиться должным образом и организовать поездку для «10-летней поэтессы». В Италии, куда Ника поехала вместе с бабушкой и Евгением Александровичем, она выступала в огромных залах, давала интервью на телевидении, знакомилась с выдающимися поэтами и художниками, около 25-ти выступлений в восьми городах! И все кричали «браво, Ника!» Она уже не могла остановиться, успех окончательно вскружил ей голову. А дальше она должна была постоянно доказывать свою необыкновенность. «Я — королева. Меня на руках носить надо! Странно, что этого никто не понимает», — говорила она потом. Это был пик ее славы.

*Ника с Евгением Евтушенко.
На плакате надпись — «Требуются мертвыми или живыми. Вознаграждение \$50000». Милан, 1985*

Когда она вернулась в Ялту, как ее встретили? Были репортажи и поздравления в прессе?

Да, ТАСС сразу же сообщил о присуждении престижной премии десятилетней школьнице Нике Турбиной. Газеты пестрели ее фотографиями и поздравлениями. Но радость практически сразу сменилась жуткой депрессией. Во-первых, Нику разочаровало то, что фигурка льва оказалась не золотой, а гипсовой — они с Майей специально подпилили хвост у льва, чтобы проверить это. Потом Ника колола этим львом орехи. А во-вторых, после такого триумфа снова очутиться в маленьком курортном городке... Певица Елена Камбурова как раз приехала к ним в гости, думая что замечательно проведет с Никой время, но на первой же прогулке увидела истерическое состояние Ники — девочка падала на землю, рыдала, говорила, что страшно и невозможно жить в этом мире, он весь фальшивый. Такие состояния — от радости до слез и истерик — повторялись. Камбурова не выдержала там и трех дней и уехала.

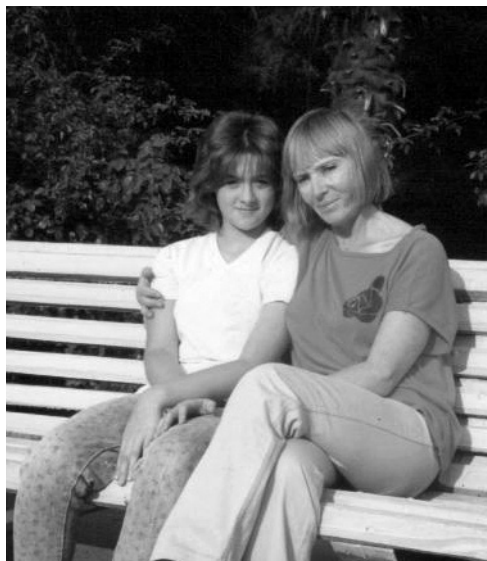
Так все же, почему Евгений Александрович сначала так активно принял участие в жизни Ники, а потом отстранился? Ника в одном из интервью тоже говорила, что тяжело переживала их разрыв.

Понимаете, они с Никой многое друг другу дали. И все, что он мог для нее сделать тогда — он сделал. Он же не от Ники отстранился, а от ее семьи — от мамы и бабушки. Они постоянно вытягивали из него деньги, как это делали со всеми, кто встречался на их пути. Они зарабатывали на Нике, и очень хорошо зарабатывали. За книгу «Черновик» им заплатили полторы тысячи рублей, а в Италии, по словам Евтушенко, Ника заработала две-три тысячи долларов. А им все было мало.

Последний раз Евтушенко виделся с Никой в 87-м году, он пригласил ее и Майю на свою свадьбу с Машей, своей четвертой женой. Он как будто хотел им дать понять — «девочки! Я женюсь! У меня семья. Это уже четвертый брак. У меня будут дети. Я должен уделять внимание семье».

Мне кажется, была еще одна причина этого отстранения, — возможно, Евтушенко стал догадываться о том, в каком лжепроекте он участвовал, и ему было это неприятно. Несколько лет назад он принимал участие в передаче Малахова «Пусть говорят» и неожиданно зашла речь о Нике Турбиной. Евтушенко показали крупным планом: лицо напряжено, губы сжаты. Но Малахов его выручил: «Евгений Александрович, говорят, что Никина мама из вас вымогала деньги?» И он сразу за это зацепился и стал рассказывать о Майе.

Ника еще ездила в Америку примерно в это же время. И говорят, даже встречалась с Бродским, что он сам пригласил ее вместе с бабушкой к себе домой. Это правда?

Ника с бабушкой (Людмилой Карповой) на набережной Ялты, 1987

В Америку она ездила в 87-м году, ей было 13 лет.

О том, были они в гостях у Бродского или нет, можно судить только по воспоминаниям Людмилы Карповой, а она отличалась богатой фантазией. Карпова сама мне рассказывала про эту встречу три раза, и каждый раз это были три разных истории, в чем-то совпадающие, но отличающиеся в главном — впечатлении от встречи. В 2003-м она рассказывала, что Бродский произвел на нее необыкновенное впечатление, был любезен, они приятно пообщались, и он подарил им свой сборник стихов. А десятилетие спустя на эти же мои вопросы она сказала, что Иосиф встретил Нику отвратительно, они вышли от него как оплеванные, и он даже не подарил Никуше свою книгу.

В каждой фразе — противоречие. Я не знаю, чему верить, и была ли вообще эта встреча. Потому что нигде в прессе об этом не упоминается. И все же я склоняюсь к тому, что Ника с Бродским встречалась.

Карпова подробно описывала комнату Бродского — темная, метров пятнадцать, маленькое окно, которое выходило на тротуар, напротив письменного стола — книжный шкаф. И добавила, что это было временное пристанище, в котором он жил, пока достраивал дом. Бродский был напряжен и не знал, как разговаривать с ребенком, так и сказал — «я волнуюсь, потому что мне не приходилось общаться с ребенком-поэтом». Потом он спросил Нику, какие поэты ей близки. На что Ника ответила, что любит Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Тютчева и Уитмена. И тут Карпова поясняет мне, что Никуша так часто давала интервью, что уже выучила, какие имена называть, и что, наверно, такой ученический ответ Бродскому не понравился. Он промолчал и повисла долгая пауза.

Потом Бродский попросил Нику что-то прочесть, и она прочла «Зонтики в метро», там есть строки: «Быть хорошо счастливым» — так говорил Всевышний...» На что Бродский заметил — «но Бог так не говорил». Ника стала возражать, что она имеет право как автор вложить в уста Бога эти слова, а потом повернулась к бабушке и прошептала — «он сам мне это говорил!», имелось в виду — Бог говорил.

При этом Карпова поведала мне, что Бродского на тот момент они даже не читали. И что Евушенко Ника тоже не читала, а просто любила слушать, как он читал.

Ну и так далее, много всего интересного рассказывала бабушка, но ей верить на слово нельзя. Поэтому все ее рассказы я перепроверял, спрашивая у других людей и по сохранившимся документам — дневникам, письмам, заметкам в прессе, даже связывался с секретарем Бродского, и она мне сказала, что Бродский нигде не упоминал об этой встрече. То есть историю с Бродским так подтвердить и не удалось.

А как вообще прошла эта поездка в Америку? С таким же успехом, как в Италии?

Успех был, но уже менее значительный. Они там были вдвоем с бабушкой, Евгений Александрович с ними не поехал, и Карпова все сокрушалась об этом, говорила, что с Евушенко все было бы иначе. Ника выступала в Нью-Йорке и Бостоне, давала интервью, ее возили в Диснейленд, но ей там не понравилось. Опять же, со слов бабушки, она сказала — «это мертвые сказки, не наши русские». Ей дарили кукол, что вызывало восторг.

В Америке был последний ее успех.

Никто не знал, кто отец Ники. В фильме намеком дается понять, что это мог быть поэт Андрей Вознесенский. Никина мама дружила с Вознесенским, Ника декламировала стихи под Вознесенского. Это еще один кирпичик в строительстве мифа о Нике Турбиной?

Андрей Вознесенский

В Ялте единицы знали, кто папа Ники. Но для создания мифа, конечно, бабушке и маме было выгодно, чтобы думали, что это Вознесенский. Майя говорила на публику и для прессы, что Ника родилась в яслях, тем самым подогревая интерес к этой теме. Она стригла Нику под Цветаеву, учила декламировать под Вознесенского. Майя утверждала, что Вознесенский принес ей букет цветов в день рождения Ники, что действительно могло быть, потому что у них был роман с Майей на протяжении четырех лет, который они и не скрывали. Вознесенский бывал много раз у них дома, встречался с Майей то в Крыму, то в Москве, когда он сам этого хотел

и когда ему было удобно. Постоянного общения у них не было. Думаю, что сам Андрей Андреевич не особо верил в свое отцовство, и потихоньку отстранялся от этого семейства.

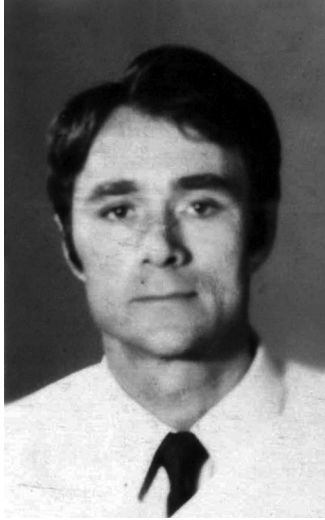
А что говорили Нике? Она же, наверно, спрашивала, кто ее отец.

Сначала говорили, что Вознесенский. Затем — «оно тебе надо?» Ника так и не узнала, кто ее отец, хотя всю жизнь интересовалась этим.

Так кто был отцом Ники?

В свидетельстве о рождении отцом записан Торбин Георгий Алексеевич, русский, 1935 года рождения. Майя придумала для Ники более звучный псевдоним — Турбина, ведь проект задумывался с самого рождения и каждая деталь имела значение.

Майя некоторое время жила в Москве, потом вернулась в Ялту. Она не работала, целыми днями читала и встречалась с кавалерами. И пела в хоре в ялтинском Народном оперном театре, в котором и познакомилась с Георгием Торбиным. Он был приезжим солистом и режиссером этого театра. Красивый, высокий, с прекрасным басом, он обращал на себя внимание всех женщин в театре. С Майей у них начались отношения, и все это закончилось беременностью. Торбин не отказался от отцовства, и они расписались в Ленинграде, где Георгий был прописан в общежитии при консерватории. Майя некоторое время жила с ним в общежитии, но потом, разочаровавшись в семейной жизни, вернулась в Ялту, и там родила Никушу. Торбин был у Майи в доме только один раз после рождения Ники, семейство боялось его пускать в дом — опасались, что он захочет прописаться. Они развелись, и вскоре он снова женился и уехал в Самару.

Отец и дочь, Георгий Алексеевич Торбин и Ника Георгиевна Торбина

Он так и не увиделся с Никой?

Нет. Он умер довольно молодым — в 59 лет. А Нике тогда было двадцать. Он болел диабетом, потерял ногу, потом спился и умер. Кстати, у Ники в детстве тоже нашли диабет, это, хоть и косвенно, доказывает их родство. Ну и потом, посмотрите на фотографии — и сомнений вообще не останется.

Что это за история с замужеством Ники в шестнадцать лет? Или не замужеством, а сожительством со швейцарским миллионером...

Ох, это история, которую в одну серию не вместить. Но попробую. Его звали Джованни Мastroпаоло — профессор, психиатр и основатель клиники для душевнобольных, на тот момент ему было 74 года. Однажды он услышал стихотворение Ники «Кукла», переведенное на итальянский: «Я как сломанная кукла. / В грудь забыли / Вставить сердце. / И оставили ненужной / В сумрачном углу...» Это стихотворение было прочитано одному из пациентов его клиники, в которой применяли методы арт-терапии (лечили музыкой и стихами), и этому больному как бы стало легче. Такая легенда. Джованни приехал на конференцию в Москву и захотел встретиться с Никой, а когда встретился, то непременно захотел выписать ее к себе в клинику для лечения больных стихотерапией. Ника действительно поехала к нему сначала на два месяца, а потом на год. Никого она там не лечила, а была на содержании у этого профессора, ублажала его в постели и пила — у Джованни была большая коллекция алкоголя, там Ника и спилась.

Когда ее потом в интервью спрашивали про этот период жизни, она уклончиво отвечала, что Джованни дал бы фору любому 16-летнему мальчику. Подругам говорила — «когда-нибудь напьюсь, расскажу».

*Ника Турбина в Швейцарии.
Лозанна, 1991*

Понимаете, Ника была трудным подростком, в 13 лет она стала неуправляема — выпивала, курила, уже имела отношения с мальчиками, сидела на седативных препаратах. Ее с детства на них подсадили, она могла выпить порядка 10 таблеток сразу, другие уже умерли бы, а ей ничего, просто заторможенная ходила. Нику ничему не научили, даже самым простым вещам, как, например, заплатить за квартиру. Она любила есть руками и стеснялась на людях в ресторанах есть приборами, боялась что-то не так сделать. До 12 лет она сосала пустышку, когда нервничала. Особенно перед выступлениями, но чтобы этого никто не видел, уходила куда-нибудь, в туалет, например.

Через год она вернулась. Ходили слухи, что ее выдворили за непристойное поведение, мол, к профессору пришли высокопоставленные гости, а Ника, пьяная, вышла к ним в одной рубашке. Ничего подобного, просто ее срок истек: все, что было нужно от нее, профессор уже получил. А ей на смену уже готова была приехать молодая, красивая, яркая, восемнадцатилетняя армянка Марина. Кстати, Марина там тоже пробыла год и рассказывала потом жуткие вещи о профессоре и его садомазохистских наклонностях.

Ника, когда поняла, что от нее хотят, могла же протестовать, или ей там нравилось? Об этом знали мама и бабушка? Как они ее отпустили, если раньше мама буквально не выпускала ее из рук?

Не только отпустили, но и поспособствовали, чтобы она снова к нему поехала на год, когда уже всем было ясно, что от нее хотят.

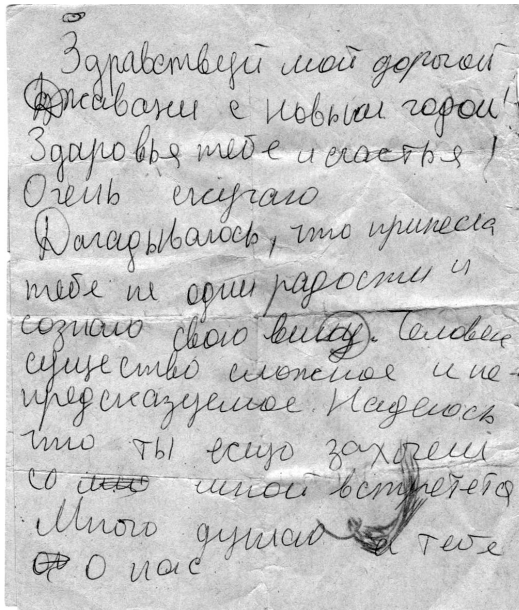
И Ника туда уехала на год по собственной воле, ей понравилось жить у профессора. Это не было насилием. Когда ее выдворили оттуда, Ника писала письма своему Ваньке (как она его звала), скучала по нему или по той жизни. Деньги, которые он ей давал, скоро закончились, Ника пила, стихи практически не писала.

*Джованни Мастропало.
Лозанна, 1990*

А Майя в это время вышла повторно замуж, и у них родилась дочка Маша, младшая Никина сестра. А тут такой «бандит, который все рушил» и ей «хотелось взять кувалду и стукнуть ее по башке» — Майя так говорила даже в интервью. И к тому же, Майя ревновала Нику к своему второму мужу, и возможно, не зря ревновала. Им нужно было избавиться от Ники, а тут подвернулся этот профессор, да еще и богатый. Все получилось как нельзя кстати — маме еще и платили за Никино содержание, что было основным поводом отпустить ее в Швейцарию.

Письма она писала с удивительными, я бы сказала, «невозможными» ошибками для взрослого человека... У вас в книге есть оригинал письма.

Отрывок из письма Ники Дж. Мастропаоло,
Москва, 1992

О, да, Ника могла сделать три ошибки в слове из трех букв. Она так и не научилась грамотно писать. Учеба всегда давалась ей с трудом, она не отличалась усидчивостью, а писала слова так, как их слышала, и не понимала, зачем нужны правила грамматики. Школу она закончила только благодаря знакомым учителям, которые закрывали глаза на ее особенности, понимая, что она прежде всего поэт. Она поступила во ВГИК благодаря протекции Армена Джигарханяна, который увидел в ней талант актрисы, но бросила учебу после первого семестра и уехала в Швейцарию. Ей было трудно учиться, ходить на лекции было скучно, заграничная жизнь ее прельщала куда больше.

А когда она вернулась, то нигде не могла работать, просто была не приспособлена к этому. Продавала книги на рынке и даже успела постоять на панели. Ей помогли поступить на очное отделение в Институт культуры, но отчислили после первого курса за неуспеваемость. Менялись мужчины, она была уже сильно зависима от алкоголя. По сути, она повторила судьбу своей матери — была иждивенкой, встречалась с мужчинами и пила.

Она успела немножко поработать со своим последним гражданским мужем Сашей Мироновым. Где-то на окраине Москвы была студия «Диапазон» для неблагополучных детей, и они ставили там спектакли. Саша говорил, что она играла блестяще. А блестяще, потому что девочке Бог дал артистический дар, но никто его развивать не хотел и не собирался. А дар этот, я думаю, исходил от отца, потому что считать маму и бабушку артистками... Ну, в своем роде, они, конечно, были артистками.

Она как-то пробовала лечиться от алкогольной зависимости?

Сама — нет, не пробовала. Нике во многом помогала, в том числе и лечиться от алкогольной зависимостью, ее преподаватель и подруга, я бы сказал «вторая мама» — Алена Галич. И еще был в ее жизни мужчина, Сергей Мирон, он возил ее по психологам и наркологам, следил, чтобы в доме не было никакого спиртного, даже одеколону, но, к сожалению, вывести ее из этого состояния надолго не получилось. Их роман продолжался несколько месяцев, больше он не выдержал, потому что сам с ней чуть не сошел с ума. Ника устраивала постоянные истерики, сидела с бутылкой пива на подоконнике на 14-м этаже, свесив ноги наружу, собирала бомжей и собутыльников в доме. Привести ее к кому-то в гости возможно было только один раз, она непременно напивалась и устраивала там сцены, шокировала публику, второй раз уже не приглашали. При этом Ника была невероятно сердобольным и жалостливым человеком, она искренне любила людей, готова была помочь кому угодно (но в основном помогала бомжам, приютив их у себя дома). Сергей устроил ее на радио «Милицейская волна» своей соведущей, и Ника оказалась терпимой и внимательной к звонящим, не раздражалась на вопросы, сочувственно отвечала. Но радиопередача перестала выходить из-за финансовых проблем, Ника снова оказалась без работы.

Ника была добрым, отзывчивым человеком, много читала, у нее было множество друзей. Но отсутствие работы, к которой она была просто не приспособлена, тяга к алкоголю и постоянное ожидание — что ее снова заметят, снова придут стихи, все вернется и станет как было, — делали ее жизнь тягостной, мучительной.

Два падения из окна пятого этажа. Первое, которое закончилось более менее удачно. И второе, которое привело к смерти. Это был суицид или случайность?

Это была неосторожность в состоянии алкогольного опьянения. Но ведь Ника всегда дразнила судьбу, — сидеть на подоконниках было для нее нормой, она не боялась высоты.

Однажды, повздорив со своим парнем, она вышла на балкон пятого этажа, перелезла через перила и повисла на руках. Хотела таким образом его напугать. Но подтянуться обратно у нее не получилось, она стала звать на помощь, этот парень прибежал, схватил ее за руки, стал пытаться втянуть обратно. Но не удержал, руки выскользнули, и Ника упала вниз. В тот раз ветви деревьев притормозили ее падение, и все закончилось двумя месяцами в больнице, ее собрали. Потом, конечно, у нее были проблемы с позвоночником, но хоть осталась жива. Это был 97-й год, Нике было 22 года.

Второе падение закончилось трагически. Все произошло тоже из-за алкоголя. Причем, как сказал ее гражданский муж Саша Миронов, не было бы это одиннадцатого мая, случилось бы двадцатого. Не таким способом она ушла бы из жизни, так другим. Они начали выпивать в День Победы и пили три дня.

Интервью программе «Времечко» в больничной палате, Москва, 1997

С Сашей они повздорили, Ника насыпала ему сахар в бензобак (а до этого не раз выбивала стекла в его машине), и ушла к подружке в соседнюю пятиэтажку. Там она в компании продолжила пить. Потом уснула. В это время собутыльники ушли за подкреплением в магазин и закрыли ее в квартире на ключ. Ника проснулась, пошла на кухню, окно открыто — май месяц, тепло. Она как обычно села на подоконник, свесила ноги на улицу и стала курить. Песенки какие-то пела. Снизу ее окликнул пожилой мужчина — «девушка, смотрите, осторожно!» Она стала разворачиваться, чтобы слезть с подоконника, неудачно покачнулась (ведь была пьяна) и соскользнула. Ей удалось зацепиться руками за жестяной карниз. Она кричала и звала на помощь Сашу, этому есть свидетели, ее крики слышали соседи, а люди внизу даже хотели расстелить одеяло, пока она пыталась удержаться. Но долго она так провисеть не могла, руки разжались, и она упала. Удар был такой, что джинсы треснули по швам. Вызвали скорую. Приехала скорая, хотели поставить ей аппарат искусственного дыхания, она отвела их руки в сторону, сказала — «не надо». Это были ее последние слова. Позже она умерла в больнице от потери крови.

Бабушка мне когда-то сказала: «Наверно, это было лучше для нее, чем так продолжалось бы».

Как возникла идея написать эту книгу, вы же с Никой не были знакомы?

Да, с Никой мы разминулись по жизни в месяц-полтора. Она погибла в мае, а в июне я познакомился с её семьёй. Уже через год издал пьесу Людмилы Карповой «Ника», потом выпустил большую книгу стихов, в том числе неопубликованных, и дневниковых записей Ники. Затем в Москве вышла вторая, наиболее

полная, посмертная её книга. Во всех изданиях я был составителем, редактором, автором предисловия и спонсором. То есть был, как говорится, в теме.

Ника Турбина, Москва, 2001

За 12 лет общения с Майей и Карповой у нас были десятки встреч и сотни телефонных разговоров, которые я записывал для истории. Неискренность близких я чувствовал с первой встречи, видел их образ жизни и понимал, что за этим что-то кроется. А когда в 2009 году открывал с Карповой мемориальную доску на школе №12 Ялты, случайно узнал, что на самом деле в фамилии Ники изменена одна буква, и что её отцом был другой человек, а не Вознесенский. Я начал копать. Шесть лет понадобилось, чтобы только установить, кто был отцом Ники. Параллельно я занялся разгадкой других тайн её жизни. Для этого общался со многими людьми, знавшими Нику при жизни, работал как сыщик и журналист, провёл добрую сотню интервью, из которых стал понимать — откуда «росли ноги» всех Никиных бед. Ведь всё, что страдала Ника, было следствием её

детского периода жизни! Бабушка и мама написали сценарий её жизни и привели в исполнение. Я не мог уже не написать об этом.

Книга вышла уже после смерти мамы и бабушки. Вы бы ее выпустили, если бы кто-то из них еще был жив?

Конечно, выпустил бы после всего, что узнал о них. Понятно, что отношения наши прекратились бы, они возненавидели бы меня, как того же Анатолия Борсюка, который снимал пьяную (а другой она не была) Нику, не сумевшую вспомнить даже четыре строчки из стихотворения «Я — польнь-трава...» Возможно, подали бы на меня в суд и предъявили иск издательству, или, как написал в Интернете один читатель, «спустили проходимца Ратнера с лестницы». Поверьте, меня ничего бы не остановило, к тому же близкие Ники, как и все, узнали бы об этой книге только после её выхода и воспрепятствовать этому не смогли бы. Я хотел донести до людей правду о Нике и выполнил свой долг перед ней и даже перед её близкими.

Я видела, что на презентации были близкие друзья Ники, и они поддерживают вас и благодарны за книгу. Но не появились ли у вас недоброжелатели, которые не хотели бы сейчас ворошить эту тему?

Для меня мнения друзей Ники основополагающи. На презентации их было трое, на самом деле их гораздо больше, и все они единодушны в том, что, читая книгу, словно вернулись в ту далёкую свою жизнь, погрузились в неё, и им было страшно. Отрицательные отзывы тоже были, и в основном на сайте «ВКонтакте». Импульс им дали Никина младшая сестра и её друзья.

Но это не так важно. Когда я приступал к работе над книгой, то поклялся писать только правду — так и сделал. А книга нужна, прежде всего, чтобы показать родителям, как не надо обращаться с талантливым ребенком.

**Беседовала Ирина Терра, специально для журнала «Этажи»
Москва — Днепр, январь 2019
Фотографии предоставлены Александром Ратнером**

Александр Ратнер родился в 1947 году. По образованию инженер-металлург. Кандидат технических наук. Лауреат премии Ленинского комсомола в области науки и техники. Поэт, писатель, переводчик. Первая публикация была в 1963 году. Автор 22 книг стихов, в том числе двух для детей, и четырех книг прозы. Биограф Ники Турбиной, составитель, редактор и автор предисловия двух ее посмертных книг «Чтобы не забыть» и «Стала рисовать свою судьбу...», автор документального романа «Тайны жизни Ники Турбиной» («Я не хочу расти...»). Лауреат премий имени Николая Ушакова и Дмитрия Кедрина (Украина), Международной литературной премии имени Эрнеста Хемингуэя (Канада), дипломант Международной литературной премии имени Великого князя Юрия Долгорукого (Россия), награжден Почетным дипломом Международного Совета по книгам для детей (IBBY). Член Национального Союза писателей Украины с 1988 года и Союза писателей СССР с 1989 года.

Ирина Терра — журналист, редактор, издатель. Живет в Москве. Работы публиковались в еженедельнике «Литературная Россия», журнале «Дети Ра», «Казань», «Журналистика и медиарынок», на интернет-порталах «Новый мир», «Московский Комсомолец» и др. Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2014 год в номинации — за свежий нетривиальный подход к интервью. Лауреат Волошинского конкурса 2015 в номинации «кинопоэзия». Победитель конкурса СЖР на лучшее журналистское произведение 2017 года. Член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов. Основатель и главный редактор литературно-художественного журнала «Этажи». Лауреат Канадской премии им. Эрнеста Хемингуэя за 2017 год в номинации «Редактор» — за высокий профессиональный уровень издания международного журнала «Этажи».